

Доклад 21. Онтологические основания русской идеи через призму евразийской языковой картины мира

Алексей Валерьевич Дзермант

Философ, политолог, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси. Директор Центра изучения и развития континентальной интеграции «Северная Евразия», глава белорусского отделения движения «Новая Евразия», автор книги «Беларусь – Евразия, пограничье России и Европы».

Спасибо, коллеги, за возможность участвовать в таком масштабном философском форуме, философском событии, и я попробую представить свой вариант онтологических оснований русской идеи. Но поскольку я давно занимаюсь вопросами лингвистики языковой картины мира, для понимания онтологических метафизических основ русской идентичности, русской традиции я представляю вам свою версию. Естественно, если все начинается с языка, со слова, в том числе с ключевых слов, которые являются для нас фундаментальными и важными, мы должны рассмотреть, откуда они происходят и что они значат, каким образом они задают наши структуры мышления и определяют сознание.

Прежде всего стоит сказать, что вообще славянские языки и русский язык по своей природе достаточно двойственные. Я напомним знаменитое высказывание Николая Трубецкого, одного из отцов-основателей евразийства, о том, что уже изначально в славянских языках присутствует некая двойственность. То есть, допустим, есть определенные термины, связанные с Западом, с германскими языками, а другие, наоборот, с индоиранскими. Он так и говорил, что телом славяне похожи на германцев, а душой их тянет в восточную сторону, к иранцам. Это особенно отражается в религиозной сфере. Ключевые слова в славянских языках в русском языке, такие как Бог, Вера, на самом деле нас ориентируют именно на Восток, поскольку именно там находятся наиболее вероятные этимологии, то есть версии происхождения этих слов.

Собственно говоря, и само имя «Русь» тоже наследует эту двойственность. На сегодняшний день есть такие две фундаментальные теории, гипотезы происхождения этнонима «Русь». Норманнская связывается с варяжскими гребцами, которые осваивали пространство Восточной Европы, это известная версия, давняя. Я в данном случае не

буду говорить, насколько она вероятна или сомнительна, тем не менее это известная версия с давней традицией. Но существует не менее известная с не менее давней традицией версия, которая связывает происхождение названия «Русь» как раз с иранским южным полюсом – с аланами, роксоланами, скифами. И если в первом случае этимология связывается с такими корпорациями варяжских торговцев, воинов, купцов, то во втором случае предполагается, что «Русь» означает некий свет. То есть из иранских языков и из индоиранских трудов «Русь» трактуется как некая светлая сторона, сторона света. И в данном случае для меня важно, что эти две версии как бы существуют одновременно уже давно и, по сути, тоже отражают определенную двойственность в языке того, что мы имеем уже позднее в некой онтологической сущности русской идеи.

И вот это сочетание, с одной стороны, нордизма, то есть такого северо-западного локуса, и иардизма, то есть юго-восточного локуса, издревле присутствует в русской культуре и в русской идентичности. И здесь ценно не то, что мы должны выбрать какую-то одну версию, единственно правильную, а то, что они сосуществуют вместе. А может быть, где-то друг друга дополняют, именно их существование, динамика и диалектика и задают определенную, скажем так, специфику всей русской жизни, всей русской онтологии. На самом деле, если мы проследим существование в культуре этих двух начал, они ведь и далее имеют место: западники и славянофилы, допустим, почвенники и интернационалисты. И вот эта сдвоенность, этот дуализм мне представляется одной из таких фундаментальных черт русской культуры, которые она унаследовала, кстати, от тех самых древних насельников Евразии: скифов которые, в общем-то, и были давней скрепой огромных пространств. Русские эти пространства унаследовали. Сначала были скифы, потом тюрки, потом русские, но вот эта пространственная, культурная протяженность существует уже тысячелетия. И русские являются таким скрепляющим элементом Евразии, который вот это все культурное, языковое богатство унаследовал и создал государство, которое объединяет огромные пространства от Восточной Европы до Тихого океана. Но тем не менее дуализм имеет древние корни и является таким нервом русской жизни. Он определяет эти колебания русской истории, русской жизни, культуры. И, наверное, в существовании этих двух полюсов мы можем найти очень интересную специфику идентичности русской культуры.

При этом можно опереться на работы Московско-Тартуской лингвистической школы, а она, в свою очередь, связана со структуралистами

ми, которые, в свою очередь, связаны с евразийцами. Потому что мы помним, что и Н. С. Трубецкой, и Р. О. Якобсон – это те, кто был у истоков структурализма как такового, и, собственно говоря, здесь тоже круг замыкается.

То есть русская научная традиция она с одной стороны выработала определенный метод познания через язык: познания культуры, идентичности, онтологии, метафизики русских и славян. И вот этот метод он как бы пошел на запад там развился, через работы Леви-Стросса, затем вернулся уже в работах Московско-Тартуской школы. Так вот, они выявили, что в славянском языке действительно очень сильно вот это скифо-иранское влияние. Но поскольку язык задает структуры сознания, это влияние сказывается и на культуре, и на политической жизни. Поэтому для Руси, для русских всегда важен определенный выбор между светлой стороной и темной. И этот выбор приобретает такой эсхатологический, религиозный характер. То есть русские должны обязательно сделать выбор и обязательно должны выбрать светлую сторону. Почему светлую? Ну, может быть, потому, что сама Русь – это именно и есть Светлая сторона. Если играть в эти языковые этимологические игры, то получается примерно такая интересная вещь.

Затем, кроме собственно русского названия очень важное понятие и для народной культуры вообще, для культуры русской и славянской – понятие мира. И не случайно сейчас мы используем словосочетание «русский мир». Очень часто спорим о его границах, его происхождении. Но тем не менее само слово «мир» этимологически восходит опять же к образу индоиранского божества Митры. Да, это этимологически доказано, это достоверная этимология, что мир связан с Митрой – владельцем мира, владельцем пространства. Этот мир тоже имеет несколько измерений. С одной стороны, это мир как некая община, которая объединяет своих, то есть свояков, родственников, близких по духу, тех, кого мы считаем своими. Это, с другой стороны, и русский мир, это именно так, то есть те, кого мы считаем своими, кто вхож в наш Космос. А этот Космос и есть мир, в котором существует русский язык, русская культура, но одновременно мир – это состояние не войны. То есть это то, к чему мы стремимся, к некоей гармонии, к тому, чтобы этот конфликт, в том числе дуалистический, внутри нашей культуры разрешился. Ну и наступила некая внутренняя гармония согласия.

Хотя возникает вопрос, возможно ли это. Может быть, вечна эта диалектика, борьба двух начал, это такое постоянное состояние, что мир, в общем-то, можно понимать через эту вечную борьбу. Но тем не менее само понятие мира, в том числе русского мира, это тоже очень

глубоко укорененный термин в религиозном сознании мифа, поэтическом сознании, он связан вот с этими глубинными нашими истоками, ведущими на восток.

Еще одна очень важная идея, очень важный концепт, который известен с древности, определяет во многом специфику нашей культуры, – это святость, святая Русь. Здесь очень интересно, насколько понимание нашей «русской святости» и вообще отождествление Руси с неким святым началом отличает нас от других. Откуда происходит слово «святость»? Что оно значит? Оказывается, что опять же мы можем понять наше слово «святость» только через концепты «восточные». Где святость – это не просто некое состояние возвышенного духа, аскетизм, который достигается, но в древнейших своих проявлениях святость – это, прежде всего, некая жизненная субстанция, которая постоянно растет. И святость лучше всего выражается в таких метафорах, как растущее, цветущее дерево, какая-то зелень, расцветание. Это как бы древнейшее понимание святости, которое потом, уже с принятием христианства, стало отождествляться и с каким-то разрастанием духовной мощи, духовной силы, духовной жизни. Потому что мы знаем, что были древнейшие смыслы до христианских. Христианство принесло свою редакцию этих смыслов, но они соединились. И в русском понимании святость – это, с одной стороны, утверждение жизни, а с другой стороны, утверждение духа, свершение духа. И в этом смысле, конечно, можно понять, почему русская культура такая экспансивная, она стремится к жизни, к распространению жизни, потому что понимает это как распространение святости.

И в этом смысле очень понятно, почему еще одна специфическая вещь русской онтологии, которая известна как космизм, приобрела такое специфическое определяющее для нас начало. Потому что космизм – это и есть максимальное распространение жизни. Вспомним идею Федорова о том, что даже мертвые должны воскреснуть. То есть все должны вернуться к жизни. Ну и конечно, мы должны выйти за те пределы, которыми мы сейчас ограничены. Потому что, в общем-то, для святости «Дух летает, где хочет», и нет никаких границ. Как мы знаем, в России тоже нет никаких границ, есть только горизонт. И в этом смысле идея святости максимальной, цветущей, жизненной, распространяющейся и через какие-то свершения материальные, и через свершения духа, есть очень-очень специфическая русская идея, которая имеет древнейшие истоки.

Таким образом, если все это вместе сводить, мы увидим, что с самого начала, с первых письменных фиксаций русской идентичности,

русской идеи, есть некая специфика. Эту специфику можно увидеть в стремлении познать и реализовать высшие смыслы и определенные сверхцели. Очень хорошо об этом сказал виднейший представитель Московско-Тартуской лингвистической школы академик Владимир Топоров. Я его процитирую: «Сакральность или даже гиперсакральность русской традиции проявляется, прежде всего, в том, что все должно быть в принципе сакрализовано, вырвано из-под власти злого начала, и примириться с меньшим нельзя. Должно быть возвращение к исходному состоянию целостности, нетронутости, чистоты. И существует некая единая, универсальная цель, сверхцель, заветное желание и сокровенная мечта, надежда о том, что «святое царство», «святость», «святая жизнь», возможна на земле и для человека. И очень сильно и актуально упование на то, что это святое состояние может быть предельно приближено в пространстве и времени здесь и сейчас».

И вот, по сути, все те проекты политические, которые «Русь», русские реализовывали. Это, напомним, «Святая Русь» со времени Крещения, затем «Москва – Третий Рим», затем «Православное царство» и затем «Советский Союз». Они, в общем, все подчинены именно этим принципам, которые мы можем отследить уже с самого начала какой-то словесности, книжности русской, то есть с XI–XII веков. И так на протяжении тысячелетия всё это через нас проявляется. Я считаю, что это очень важная сущностная вещь для русской идеи. Вот откуда это берется, но, как я уже сказал, эти специфические термины и святости, и мира, и самой русскости Руси ориентируют нас все-таки на Восток. Поэтому евразийство внутренне сущностно для русской культуры. Это что-то для нее действительно очень характерное. Притом характерное не только для внутреннего нашего самоощущения, но и для наблюдения извне. Допустим, греки, римляне тоже это фиксировали. Они понимали, что они как бы центр европейской жизни, европейской культуры, а вокруг варвары, но варвары имеют градацию. Северные варвары издревле называли эту землю Скифией, Сарматией. При этом она делилась на европейскую часть, которая приближена к ним, и азиатскую часть. Но они уже издревле понимали, что это пространство северо-евразийское, где живут скифы и множество других народов, это пространство – нечто единое и отличное от них, от, скажем так, первых европейцев. Потому что идея Европы возникла в Греции.

Это тоже нужно понимать, она имела сначала такое узкое, локальное определение. Это была Земля вокруг дельфийского оракула, и Европой назывались те, кто как бы почитает дельфийский оракул. Но потом греки стали распространять это название на близлежащую ойкумену и

считали, что это Европа, но это примерно территория для колонизации, для греческой колонизации это как бы их привилегированная земля.

Но в то же время они понимали, что есть Скифия, европейская часть, которая с ними в контакте, но это отдельный материк. И существование этого материка тоже прослеживается в сознании географов, историков на протяжении тысячелетий, от Геродота до географов XIX века. То есть уже тогда, в принципе, было познание, что эта северная земля и центр европейской культуры Эллады и Рима – это что-то отдельное. С одной стороны, может быть, и близкое, а с другой стороны, все-таки другое. И во взаимодействии этого северного скифского начала и эллинизма тоже возникает специфика русской культуры. Потому что у нас есть и европейское начало, которое мы наследуем из Лады, из Византии, но есть нечто такое автохтонное, славянское, тюркское, иранское, скифское. И это, собственно, тоже определяет евразийство. Такое глубинное, исконное, в русской идентичности, которое проявляется в тех словах и в тех понятиях, о которых я говорил. То есть через эту специфику с древнейших времен, через слова, через этимологию мы приходим к тому, что в стремлении очистить мир, вернуть мир к жизни, к благостному началу и распространять в жизни святость, в этом стремлении, на мой взгляд, есть что-то уникальное для русской культуры. И конечно же, это определяет то, что русская культура открытая. Она не может быть какой-то изолированной, националистичной – это действительно одна из немногих универсальных культур, о чем Достоевский говорил, вводя понятие всемирности. Но к этой всемирности мы как бы идем от истоков, от Античности через космизм, через советский проект, и до сих пор, в общем-то, несем в себе это начало. Вот таковы мои тезисы.

– Благодарю вас, Алексей Валерьевич. Получается так, что все дороги через мифологию ведут. Да, на святую рошу, ведут на восток.

– Ну да, через мифологию, метафизику, конечно. На мой взгляд, сами слова указывают этот путь. Сами понятия, которые раскрываются в глубинных своих смыслах, показывают истоки нашего мышления, нашего поведения, показывают, как мы ощущаем мир. На мой взгляд, так.

– Тогда я хотел бы с вами обсудить на данном этапе онтологические доводы. Вы приведете свои наработки, онтологические доводы о русской идее?

– Я бы сказал следующее: русская идея, конечно, это такая универсальная идея святой жизни и стремления к святой жизни. Это идея максимально открытая миру и эксклюзивная. Она, по сути, синоним космичности, космизма. Может быть, Бог придумал русскую идею для

того, чтобы этот мир, этот космос и мир божественный разворачивался вовне и избегал ловушек зла и каких-то темных ходов. Потому что мы не раз спасали мир. И идея спасения, идея жизни и святости – это тоже довод, который находится внутри русской идеи. Ну и конечно, эта пространственная идея, связанная с самим пространством, конечно, прежде всего евразийство, из которого она вырастает, вбирая в себя древнейшие культуры и древнейшие языки и народы, и становится универсальной. Это укорененность через пространство и открытость к небу – это тоже что-то, на мой взгляд, очень фундаментальное для русской идеи.

– Благодарю вас за ответ. У нас есть три заготовленных вопроса, направляющие, наверное, основные. Когда? Куда? Кто? Мы для первого вопроса выбрали такой идеальный год – 2045. Год непростой, возможны различные варианты хода событий, возможно, этот год принесет изменения, возможно, до этого года изменения произойдут. Так вот, как вы считаете, какая философия будет доминировать в России тогда? В том году?

– Мне кажется, все-таки философия, которая прорастает из тех принципов, о которых я рассказал. Наверное, сочетание какого-то пространственного мышления в какой-то евразийской форме. Это идея о том, что Россия, Русь может принести более справедливую организацию миру, более гармоничную, скажем так, организацию всего человечества. На какой основе? Может быть, на основе открытий неизведанных безграничных источников энергии, на основе каких-то новых технологий, которые разовьются именно в России. Например, мы знаем про технологии управления климатом, которые сейчас в России тоже очень интересны. Я думаю, что это будет сочетание пространственного какого-то евразийства, космизма и экологизма, которые не подчинены логике денег и финансов и только западному рационалистическому стремлению получить прибыль. Мне кажется, что-то такое пробьется и в русской идее, и снова завоюет сердца жителей планеты, как в свое время после 1917 года «красная идея».

– Но второй вопрос касается пространственного влияния русской философии, отчасти вы это уже отметили, но, может быть, что-то еще в динамике.

– Я думаю, что русская идея не замкнется в себе, она будет искать активного диалога, прежде всего, наверное, уже с не западными традициями, а с китайской, персидской, тюркской, арабской, в широком смысле. И я думаю, это принесет какие-то плоды, когда русская идея станет определенным посредником между различными традициями и это начнет

получаться. То есть люди начнут при посредничестве русской идеи понимать друг друга, стремиться к общим целям и выстраивать, возможно, какой-то новый глобальный проект на других принципах, без западного господства и без доминирования западных идей и философии.

– Благодарю вас, и финальный вопрос. Кто, с вашей точки зрения, носитель русской идеи сегодня?

– На мой взгляд, любой человек, который думает и говорит по-русски, даже бессознательно, потому что он выражается словами, которые несут огромные смыслы, он уже носитель. Он может об этом не подозревать, он может этого не хотеть даже, но, если он думает, говорит, даже творит по-русски, все равно он уже носитель идеи, он вносит в нее какой-то вклад. Пусть минимальный, но вносит. Кроме того, конечно же, есть такой актив русской идеи – те, кто активно ее разрабатывают, рефлексиируют, находят какие-то уровни и неизведанные этажи. Это те, кто двигают ее вперед, но прежде всего философы. Я думаю, и те, кто занимается таким интеллектуальным трудом. Это с одной стороны. С другой стороны, мы видим, что сейчас. Вот, например, специальная военная операция показала, что там, на войне среди солдат, воинов-военкоров, тоже рождается какая-то новая форма русской идеи. И они становятся ее активными носителями, защитниками и, наверное, теми, кто будет нести ее в ближайшие годы, потому что они это право завоевывают в борьбе, вот так я вижу носителя русской идеи.